

Review

«Глупо рубить руку, которая пополняет бюджет»

Уголовное преследование предпринимателей — одна из главных тем, которая волнует бизнес-сообщество на протяжении последних лет. В редких случаях адвокатам удается доказать ошибки правоохранителей и добиться прекращения незаконно возбужденных уголовных дел. Так произошло в делах ООО «НПЦ „Штандарт“», ООО «Эпсилон» и ООО ИКМ, руководство которых обвинялось в крупном хищении средств Минобороны России, выделенных для создания наземного сегмента комплекса ГЛОНАСС. О том, какую цену адвокатам и их доверителям пришлось заплатить за сохранение бизнеса и восстановление деловой репутации, «Ъ» рассказали управляющий партнер АБ Criminal Defense Firm **Алексей Новиков** и генеральный директор ООО «Эпсилон» **Андрей Тестоедов**.

— практика —

АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ, управляющий партнер АБ Criminal Defense Firm

— Алексей, осенью прошлого года вы создали и возглавили адвокатское бюро Criminal Defense Firm. Какова специализация новой компании?

— Перед тем как открыть бюро, мы провели кропотливую работу: учили сильные и слабые стороны предыдущего профессионального опыта и, собрав все лучшее, вышли на этот рынок.

Criminal Defense Firm осуществляет юридическую помощь в уголовных делах по признакам так называемой беловоротничковой преступности — в основном это дела по обвинению в хозяйственных, экономических, должностных и коррупционных преступлениях. Мы специализировались на них еще будучи следователями и, создав бюро, решили не размывать текущий фокус.

— Какие дела в вашей практике вы бы отнесли к наиболее интересным?

— Не выделяю таких. Все дела нашего бюро уникальны, и более 80% из них освещались в СМИ. На мой взгляд, каждый случай, за который мы беремся, прежде всего важен для нас самих: в одних делах есть интересные процессуальные моменты, в других необычна структура дела или сама история, третьи знакомят с весьма нестандартными участниками.

Бывают и случаи, которые объединяют в себе все факторы. К примеру, когда в бюро обратились Андрей Тестоедов и его деловые партнеры, нас «зацепило» буквально все: от сложности фактуры до уровня, на котором по делу работали правоохранители. Кроме того, нас впечатлило, что люди, оказавшиеся в настолько непростой ситуации, по сей день сохранили крепкую команду, несмотря на то что бизнес и они сами пострадали от уголовного преследования.

— Каковы сегодняшние результаты вашей работы по этому делу?

— Нам удалось добиться прекращения четырех возбужденных уголовных дел, по одному мы продолжаем борьбу в суде. Дело по обвинению генерального директора ООО ИКМ Павла Кондакова было первым и после почти трех с половиной лет нашей напряженной работы теперь уже остается единственным.

Если вопросы по другим делам снимались еще на этапе предварительного следствия, то здесь доказать невиновность доверителя и то, что он в принципе непричастен к преступлению, было крайне сложно. Наша правоохранительная система не любит признавать свои ошибки и выдает белое за черное.

Работа с такими людьми, как Андрей Тестоедов и Павел Кондаков, воодушевляет: они продолжают бороться и верить в справедливость, хотя на фоне многочисленных попыток очернить их имена и отнять бизнес это дается им нелегко. Павел находится под стражей четвертый год и, несмотря на всю сложность рассмотрения данного дела по существу, мы продолжаем бороться во имя справедливости и правды. Подчеркну, что дело стоит на контроле аппарата Бориса Титова, уполномоченного при президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

— Правительство ежегодно анонсирует меры по сокращению давления на бизнес, либерализации уголовного законодательства об экономических преступлениях и обеспечению доступа к правосудию. Реальная картина действительно настолько радужна, как ее рисуют? Достаточно ли, на ваш взгляд, гуманизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении бизнеса?

— Абсолютно не достаточно. Несмотря на заверения и обещания властей, ситуация не меняется. Привносимые новшества чаще декларативны и с лихвой компенсируются необязательностью их исполнения либо отсутствием в законах четких определений. Пример по делу Павла Кондакова наглядно иллюстрирует, что четко не закреплённое в законе понятие преступления в сфере предпринимательской деятельности позволяет силовым структурам легко обходить запреты, установленные на федеральном уровне. Поэтому ни о какой гуманизации в действительности не приходится говорить. Проблему нужно решать комплексно.

— Какая деятельность является наиболее рискованной с точки зрения неожиданного перехода гражданско-правовых отношений в уголовно-правовую плоскость?

— В эту плоскость может перейти любая предпринимательская деятельность, приносящая доход. Пальму первенства, на мой взгляд, удерживают проекты, связанные с исполнением госзаказа.

Анализ рынка показывает, что большинство уголовных дел возбуждается по уже исполненным контрактам — их исполнение контролируется с момента объявления конкурса и не заканчивается с подписанием закрывающих документов. Даже если работы добросовестно завершены на всех этапах, а у заказчика абсолютно нет претензий, это не помешает возбудить дело по надуманным основаниям. Причиной может стать что угодно: от непонимания бизнес-процессов до коррупции, связанной с конкуренцией на рынке. Встречаются и случаи, когда с помощью незаконного уголовного преследования бюджет пополняется за счет добросовестных предпринимателей. Благодаря такому подходу генеральный директор ООО ИКМ Павел Кондаков в ходе следствия получает иск за поставленную продукцию на десятки миллионов, притом что заказчик продолжает ее эксплуатировать и ни он, ни подрядчики не имеют к ней никаких нареканий.

— Существуют ли общие принципы управления уголовно-правовыми рисками для первых лиц компаний? Расскажите, пожалуйста, о «дорожной карте» — как генеральному директору выстроить защиту от уголовного преследования?

— Мы рекомендуем только то, что действительно работает. Для начала лучше провести общий аудит бизнеса на предмет рисков: проверить потенциальных контрагентов, посмотреть на привычные взаимоотношения

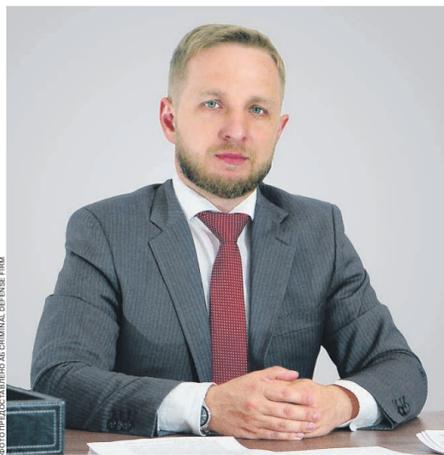

ФОТО: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО АБ CRIMINAL DEFENSE FIRM

под новым углом. Если выявятся слабые места — по возможности исключить их. Еще стоит четко распределить ответственность и обязанности внутри компании, разработать протоколы действий в экстренных ситуациях и внедрить их в работу. Взаимодействие с Андреем Тестоедовым и его партнерами показало, что выявленные уголовно-правовые риски и советы по их минимизации, которые мы дали, позволили выстроить более устойчивую структуру бизнеса без необоснованных криминальных угроз.

— Согласны ли вы с утверждением, что главная цель правоохранительной и судебной системы в России — охрана интересов государства, а интересы бизнеса защищаются по остаточному принципу? Или же эта система все же направлена на защиту личности и бизнеса и хоть и со скрежетом, но все же функционирует?

— Хотелось бы верить, но опыт не способствует оптимизму. Тем не менее с этим негативом необходимо бороться, что мы и делаем.

Возвращаясь к истории Павла Кондакова, можно более конкретно ответить на вопрос. По этому делу нет ни одного доказательства, подтверждающего хищение. Все организации, принимавшие участие в проекте, настаивают, что стороны полностью и своевременно исполнили свои обязательства, как и госконтракт в целом. Одновременно есть ничем не обоснованное мнение правоохранительного блока о якобы совершенном преступлении. Казалось бы, такого просто не бывает, но эта реальная проблема развивается уже четыре года. За это время товар, который поставило ООО ИКМ, успешно прошел все испытания, а вот само предприятие 9 марта 2021 года прекратило свое существование — из-за репутационного ущерба ушли многие клиенты и сотрудники, а генеральный директор до сих пор сидит в СИЗО.

Прокуратура и следствие сейчас опасаются собственных репутационных потерь. Ведь компания, когда-то лидирующая на рынке инновационных композитных материалов и привлекавшая на отечественные заказы крупных международных поставщиков, сегодня фактически устранена с рынка и больше не выполняет важных проектов. Но с точки зрения правоохранителей, всем этим можно пренебречь — лишь бы не признавать собственные ошибки. Хотя закон позволяет их исправить — для того и существуют институты оправдательного приговора и прекращения уголовного дела. Но их применение — большая редкость в нашей стране, и положительные решения по остальным делам доверителя стоили нам больших усилий.

— Сегодня, за редким исключением, судьи почти не фигурируют в криминальных сводках и коррупционных скандалах в качестве преступников. По итогу — что с доверием к судам? Оно есть или его нет?

— К сожалению, оно уменьшается. Доверие растет, когда суды следуют букве и духу закона, беспристрастно выполняя свои обязанности. Сегодня о таком подходе говорить не приходится. Таков характер системы — нам в ней работать, и другой сейчас нет.

— Заказные уголовные дела как элемент давления в корпоративных конфликтах для России давно не новинка. Можно ли сказать, что и сам бизнес создает дополнительные соблазны или повод использовать в качестве инструмента «уголовную дубину»?

— Да, можно. Как правило, нападают на самых незащищенных. А помимо того что бизнес грешит устранением конкурентов при помощи уголовных дел, он поворачивает и неидеально видный подход к собственной безопасности. Этим вопросом нужно заниматься, тем более что

наш опыт свидетельствует: правоохранители не слишком-то рвутся отстаивать интересы потерпевших.

— Если несколько лет назад правоохранители аккуртнее вмешивались в корпоративные отношения, то сегодня возбуждают уголовные дела и проводят расследование могут органы МВД, СКР, ФСБ РФ. Можно ли сказать, что ни в законе, ни в ведомствах нет единого взгляда на то, что является настоящим мошенничеством, а что — ошибкой в предпринимательской деятельности? И что является критерием отграничения предпринимательского риска от преступных намерений?

— Проблема серьезная. Правоприменители отказываются воспринимать само понятие «преступление в сфере предпринимательской деятельности». В большинстве случаев подход таков: есть либо преступление, либо предпринимательство. А вот преступлений в сфере предпринимательской деятельности якобы не существует.

Повторюсь, что один из вариантов решить проблему — внести в УК и УПК РФ четкое соответствующее определение. Внедрение института присяжных заседателей по этой категории дел также облегчит задачу.

— Способна ли «бизнес-разведка» помочь избежать уголовного преследования?

— Помочь — да, но полностью она его не исключит. Такой инструмент обработает свою часть, но не сможет сопровождать весь бизнес-процесс в целом, дальше делом должны заниматься адвокаты.

— Предвидится ли в ближайшие годы снижение числа заявлений на возбуждение уголовных дел против бизнеса?

— Очень хочется на это надеяться. Но не стоит забывать, что большая доля расследуемых уголовных дел возбуждается в отсутствие заявления, по рапорту оперативного сотрудника или следователя. Речь идет о мошенничестве (топ-статья УК РФ), где потерпевшей стороной по делу выступает компания, имеющая хоть какую-то долю государственного участия.

Пока обещания первых лиц государства не превратятся в реальные дела, ситуация не изменится. Глупо рубить руку, которая пополняет бюджет.

АНДРЕЙ ТЕСТОЕДОВ, генеральный директор ООО «Эпсилон»

— Вы и ваши адвокаты смогли добиться прекращения четырех дел, перевернуть эту страницу, над пятью еще работаете. Что для вас означает время, потраченное на это, — опыт или вычеркнутые из жизни месяцы?

— Затраченное время скорее измеряется годами. С того момента, как наша деятельность попала в поле зрения правоохранителей, прошло несколько лет, и каждый раз по нарастающей приходилось доказывать свою невиновность, а если говорить откровенно — отсутствие какого-либо преступления. Я до сих пор не могу понять, почему очевидные для бизнеса вещи столь трудны для понимания контрольно-надзорных органов и с какой целью они так старательно ищут малейший повод для проверки или возбуждения дела.

Такой подход отрицательно влияет на интересы бизнеса и государства. Большая часть нашей работы направлена как раз на выполнение задач, поставленных правительством или рядом министерств. Но параллельно с их решением нам приходится доказывать, что мы честные и добросовестные люди, а не мошенники. Зачем — не понятно.

Вот представьте себе, что у вас на исполнении сложный госконтракт. А это значит — тотальный контроль, сжатые сроки, повышенная ответственность. Так и должно быть, мы не сопротивляемся этому и успешно работаем. Но! Утром, часов эдак в шесть, к вам домой приходят следователи с оперативниками и проводят обыск. Дальше обыски проходят в самой компании, изымаются важные для работы документы, сотрудники принуждаются к многочисленным походам на допросы. И как работать в такой атмосфере? Плюс ко всему документы выдают неохотно и есть перспектива получить их спустя годы. Если одновременно с этим правоохранители инициируют публикация в СМИ, то следует негативная реакция по рынку в целом. Контрагенты начинают воспринимать вас как «токсичную компанию», возникают проблемы не только с заключением новых контрактов, но и с исполнением уже имеющихся. Приведу пример с ООО ИКМ, которое уже фактически находится на издыхании, а его директор четвертый год под стражей.

Скажу откровенно: такой опыт бизнесу не нужен, но это нас укрепило — слабые и сильные стороны проявились как внутри, так и вовне компании. Что-то мы усилили, что-то исключили. Наш опыт показывает, что эффективнее и дешевле предупредить опасную ситуацию, чем экстренно искать из нее выход. Замечу, что

(мошенничество в особо крупном размере) по поставке оборудования для нужд Минобороны России. Сумма предполагаемого хищения, установленного в ходе предварительного следствия, составила 22 млн руб.

Защита предоставила все необходимые документы, подтверждающие непричастность доверителей к преступлению и доказывающие, что сам факт преступления отсутствует. В марте 2020 года дело было прекращено.

Дело ООО ИКМ

Адвокаты Criminal Defense Firm представляют интересы генерального директора ООО ИКМ Павла Кондакова, обвиненного в мошенничестве в особо крупном размере. Речь идет о поставке в 2013 году предприятию АО «Информационные спутниковые системы им. академика М. Ф. Решетнева» (АО ИСС) радиопоглощающих материалов на сумму 63,5 млн руб. В настоящий момент дело рассматривается судом.

ФОТО: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО АБ CRIMINAL DEFENSE FIRM

основная масса уголовных дел возбуждается после исполнения госконтракта и подписания закрывающих документов. Все функционирует, проблем нет, а уголовное дело есть. В чем смысл и как такое возможно? Загадка. Очевидно, что это либо системная проблема, либо злой умысел.

— Как и когда все началось? Что послужило точкой для старта работы правоохранителей?

— Банальное перечисление незначительных денежных средств от одного человека к другому, примерно по 50 тыс. руб. в месяц на обучение детей, в качестве дружеской помощи. Именно это действие явилось формальным основанием для уголовного преследования. Причем никто из фигурантов уголовного дела друг от друга не зависел, мы не скрывали эти банковские операции, однако их преподнесли как коррупционные и незаконные. Я убежден, что можно было и разоблачиться без возбуждения дела, но его возбудили и расследовали практически год.

Благодаря нашим адвокатам и грамотной работе следователей все-таки удалось доказать, что никакого нарушения закона не было. Но это скорее исключение из правил — всем известна статистика и что обычно бывает, когда дело возбудили или, хуже того, направили в суд. Вообще, в бизнес-среде такие дела называются заказными. Они нацелены либо на вымогательство денег, либо на устранение конкурентов. В данном случае справедливость восторжествовала: хоть следствие и длилось долго, но по итогу в законном порядке было принято справедливое решение. Поэтому я предпочту воздержаться от каких-либо комментариев в части того, что действительно являлось причиной всех бед. Считаю крайне непрофессиональным и ниже своего достоинства уподобляться тем, кто без доказательств и оснований может обвинить человека в преступлении или искусственно его создать. Мы боролись и будем продолжать борьбу исключительно в рамках правового поля.

— Вас ни разу не арестовали, хотя это редкая история. Как вы считаете, почему так произошло? Какими особенностями в методах защиты или вашем поведении это было обусловлено?

— Я никогда не преступал закон. Внутренняя уверенность в своей правоте и работа квалифицированных специалистов в лице Алексея Новикова и его команды — вот что, на мой взгляд, выручило нас в ситуации, когда, согласно статистике и общей практике, ареста было не избежать. Если конкретно, то я незамедлительно связался с Алексеем и сообщил, что у меня проходит обыск. Именно на обыске я узнал, что в отношении меня около двух месяцев назад возбуждено уголовное дело. Я подозревался в том, что якобы дал взятку должностному лицу Министерства обороны РФ, хотя это был и есть мой друг, который не являлся должностным лицом, да и взятки никакой не было. Далее буквально в течение суток была проведена огромная работа. Адвокаты совместно с нами собрали доказательства, опровергающие первую версию следствия. После того как мы представили этот довольно существенный материал на допросе, мне перестали предлагать во всем признаться и угрожать арестом. На протяжении всего следствия я совместно с защитниками усиленно свою позицию, что привело к положительному результату.

— Как вы поняли, что нашли именно тех адвокатов, которые действительно сумеют вам помочь? Как вы считаете, почему их правовая позиция и тактика защиты оказались правильной?

— Я по природе — честный борец, а впервые встретившись с Алексеем, я увидел в нем аналогичный подход к решению проблем. До нашей встречи юристы буквально засыпали меня «интересными предложениями»: за неимверные суммы обещали, так сказать, «решить вопрос на месте». Но это не мое. Как бы ни было тяжело, как бы все эти уголовные преследования ни душили бизнес, я никогда не был сторонником коррупционного откупа. Выбор был сделан верно, и совместно с Criminal Defense Firm у нас получилось отстоять правду и сохранить бизнес, хоть и не без потерь.

— Все то время, что шло следствие, вы верили в торжество закона и беспристрастность правоохранительных органов или сомневались, что все закончится хорошо?

— Мы выдержали. Не буду преуменьшать роль правоохранительных органов, но практика показала, что не все способны признавать свои ошибки и думать о последствиях поступков. Воздержусь от оценки профессиональных качеств, скажу лишь, что идейные профессионалы еще остались, но их не так много, как хотелось бы. Возможно, эта тенденция касается не только силового блока и в других отраслях все тоже не слишком радужно.

Мы не прекращаем работать над восстановлением своего честного имени. Что касается бизнеса, вся эта история отразилась на нем не лучшим образом. Мы продолжим заниматься своим делом и поднимать предприятие, хотя понимаем, что потерянного времени, людей, проектов и финансов уже не вернуть.